

Когда все «программные» достопримечательности средневекового Таллина изучены, все легенды о привидениях услышаны и выпит глинтвейн у камина в Доминиканском монастыре, самое время свернуть с традиционного туристического маршрута и отправиться туда, куда гости эстонской столицы доходят, как правило, редко (а вот и напрасно). Уединённое, хотя и расположенное неподалеку от центра, Александро-Невское кладбище хранит не меньше преданий и, не считите за оксюморон, историй жизни, чем все пышно разрекламированные в путеводителях готические соборы и «дома с призраками» вместе взятые.

Начать с того, что это часть старейшего из ныне действующих городских погостов Сиселинна, вобравшего в свои границы также лютеранское кладбище Вана-Каарли и Военное кладбище, куда после печальных событий «Бронзовой ночи» был перенесен советский памятник Неизвестному солдату. Первые могилы появились тут ещё в 1770-е, когда напуганная моровой язвой и «чумными бунтами» Екатерина II категорически воспретила хоронить в городской черте. Своим «великокняжеским» именем кладбище обязано ревельским купцам Александру Ермакову и Ивану Германову: в середине XIX века они построили здесь храм во имя Святого Александра Невского. Церковь простояла почти сто лет и была разрушена в марте 1944 года во время западного наступления советских войск. Единственное воспоминание о ней – небольшая уцелевшая часовня красного кирпича.

Теперь уже сложно сказать, каким оно задумывалось с самого начала, но уже в первой половине XIX века Александро-Невское кладбище стало «благородным», VIP, как сказали бы сегодня. Абы кого тут не хоронили. Чтобы лечь в эту землю, нужно было выйти если не происхождением, то хотя бы биографией, а желательно – и тем, и

другим. Даже не вчитываясь в витиеватые строчки на гранитных камнях и замысловатых чугунных крестах, понимаешь, что такое посмертное великолепие могли позволить себе немногие: крупные военачальники, высшее морское офицерство, церковные иерархи. Остальным это не то, что не по карману – не по статусу. Большинство надгробий пощадили и время, и война, и смена геополитических декораций (в течение XX столетия Эстония и теряла, и дважды обретала независимость). Изучать их можно бесконечно, как экспонаты в своеобразном музее под открытым небом. Есть тут и свои скорбные ангелы, и самый настоящий «гроб на колесиках» – табличка с памятника сбита, поэтому неясно, чьи родственники столь эксцентрично оплакали своего усопшего. Впрочем, не всё то золото, что блестит: справа от входа, на склоне, у самой ограды вы увидите скромную черную плиту. Под ней покоится княгиня Варвара Горчакова, урожденная Суворова-Рымникская, графиня Италийская – внучка генералиссимуса Суворова, двоюродная племянница пушкинского соперника, графа Михаила Воронцова. Плита эта, правда, как и само место захоронения Варвары Аркадьевны, восстановлена относительно недавно при участии посольства России в Эстонии. Было много споров, правильно ли определено место, смущает и ошибка в дате рождения княгини (1802-й вместо 1803-го года), и обилие пышных титулов, которых не было на первом памятнике – его фотографии сохранились. Но главное, что жива память о Варваре Аркадьевне, фрейлине двора, участнице одесского кружка Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, жене сразу двух героев Отечественной войны 1812-го года, прекрасной музыкантше, покровительнице художника Айвазовского и первой даме Ревеля 1880-х годов.

Мои́ла Варва́ры Горчако́вой. Фото А. Хруста́лёвой

Но идём дальше. Вот огороженный цепями и украшенный огромными морскими якорями памятник контр-адмиралу Ивану Изыльметьеву – «добрейшему и вернейшему рабу Божьему в радость Господа Твоего», как гласит надпись на величественном известняковом надгробье. Изыльметьев – потомственный военный моряк. На долю его выпало немало приключений и одно кругосветное плаванье. В 1853 году разразилась Крымская война, и фрегат «Аврора», которым командовал Изыльметьев, был отправлен на Амур для укрепления российской эскадры в Охотском море. Переход мимо мыса Горн занял рекордно короткие по тем временам 66 дней, и в августе 1854-го «Аврора» уже участвовала в Петропавловской обороне, защищая нынешний Петропавловск-Камчатский от английских и французских морских пехотинцев. В Ревеле, назначенный сюда младшим флагманом Балтийского флота, Иван Николаевич прожил последний год своей жизни, но остался тут навсегда.

Могила Ивана Изыльметьева. Фото А. Хрусталёвой

А под этим черным мраморным крестом нашел упокоение Эраст Гиацинтов. Имя, больше подошедшее бы герою легкомысленного водевиля, досталось человеку, сыгравшему серьёзную роль в политической жизни Ревеля на непростом революционном рубеже XIX и XX столетий. Он родился в Первопрестольной, окончил юридический факультет Московского университета и стал первым главой Ревеля, в чьих жилах не текла немецкая кровь. Взглядами Эраст Георгиевич

отличался не просто широкими, но для чиновника на государственной службе прямо-таки небывало демократическими. Разрушив исторически сложившуюся в городе немецкую управленческую монополию, он всеми силами двигал во власть эстонцев, что по тем временам казалось невероятной смелостью. Именно благодаря Гиацинтову начали своё карьерное восхождение будущий первый президент Эстонской Республики Константин Пяте и первый министр иностранных дел Эстонии Яан Поска (похоронен здесь же, на православном Александро-Невском). До поры до времени Гиацинтову многое сходило с рук: он был неудобен, демонстративно независим, но ведь и делал немало, например, организовал первую в Эстляндии всеобщую перепись населения. Легче было закрыть глаза: «болевых точек» тогда хватало и без строптивного провинциального мэра... Терпение начальства окончательно лопнуло, когда в 1905 году Гиацинтов отправил лично царю дерзкую телеграмму, в которой возмущался той неоправданной жестокостью, с какой полиция разгоняла мирные рабочие демонстрации. Это уже было чересчур: Гиацинтова сместили с должности и сослали – нет, не в Сибирь – управляющим в Ревельское отделение крестьянского поземельного банка, откуда Эраст Георгиевич был окончательно отправлен в отставку в 1908-м. Через два года его не стало.

Могила Эраста Гиацинтова. Фото А. Хрусталёвой

Но ни одного из наших героев, чьих судеб мы коснулись вскользь, хотя каждая достойна большого романа, нельзя назвать эмигрантом. Все они, родившиеся на разных концах страны, прибыли в Ревель в те времена, когда город был частью Российской империи. Другое дело – первая русская писательница-фантаст Вера Крыжановская, также похороненная на Александро-Невском кладбище. Её историей, если кто возьмётся, можно смело начинать невесёлый рассказ о русских изгнанниках на здешних берегах.

Вера Ивановна родилась в Варшаве в 1861 году, где в это время служил её отец – генерал-майор артиллерии Иван Крыжановский, происходивший из знатного дворянского рода Тамбовской губернии. Ей было 10, когда отца не стало, и матери удалось устроить девочку в петербургский Екатерининский институт благородных девиц – на казённое попечение. Но Вера с детства была болезненна, а потому оканчивать образование пришлось дома. Наверное, эта физическая слабость и сделала её столь мечтательной, тонко чувствующей и восприимчивой ко всему неземному. А тут еще и «эзотерический бум», охвативший светский Петербург в конце XIX столетия. Вера Ивановна увлекается спиритизмом, столоверчением, слава первосортного медиума летит впереди неё. На «мистической почве» происходит и знакомство с будущим мужем – офицером, придворным камергером Сергеем Семёновым, будущим председателем совета петербургского «Кружка для исследования в области психизма». С 1880-го года Вера Ивановна некоторое время живет в Париже. Здесь она пишет – много, быстро и исключительно по-французски. На русский язык все её работы переводятся уже позже. Первый роман – «Эпизод из жизни Тиберия», появляется в 1886-м. Потом их будет еще 80! Она сразу входит в литературную моду. Захватывающий, интригующий сюжет, полный загадок и тайн писательница умело сочетает с редкой исторической достоверностью. Критик В.П. Буренин, прочитав роман «Царица Хатасу», не скрывает восхищения: «Мадам Крыжановская знает быт древних египтян может быть даже лучше, чем прославленный исторический романист Эберс». В своих восторгах Буренин не одинок: за роман «Железный канцлер Древнего Египта» французская Академия наук удостоивает писательницу титула «Офицер Французской Академии». В то же время революционно-демократическая русская критика, как позже и советская, либо вовсе игнорирует её творчество, либо брезгливо морщится. Так, по мнению Максима Горького, всё, созданное Крыжановской, – это низкопробная бульварщина на потребу малограмотному читателю, а вовсе никакая не литература. От подобных

замечаний Вера Ивановна не без досады отматывалась и продолжала работать. Впереди был фантастический цикл, который сама она окрестила «окультурно-космологическим». Самая популярная серия Крыжановской – пенталогия «Маги», где не прекращалась вселенская борьба Добра со Злом, раскрывалась связь человека и космоса, тайна первородной материи. Здесь же, впервые в мировой литературе, описывались космические корабли, телепортация как способ перемещения в межпланетном пространстве, поднимался вопрос космического колонизаторства. И главное – всё отчетливее проступали черты грядущей революции, террора, разрушения храмов...

В какой-то момент писательница взяла себе псевдоним «Рочестер», утверждая, что все произведения ей на самом деле надиктовывает английский поэт Джон Уилмот, граф Рочестер (1647-1680). По воспоминаниям одного из очевидцев, «часто во время разговора она вдруг замолкала, слегка бледнела и, проводя рукою по лицу начинала повторять одну и ту же фразу «Скорее карандаш и бумагу!» <...> Голова её слегка откидывалась назад и полузакрытые глаза были направлены на одну определённую точку. И вдруг она начинала писать, не глядя на бумагу. <...> Это состояние транса продолжалось от 20 до 30 минут, после чего Вера Ивановна обычно впадала в обморочное состояние».

Революцию Вера Ивановна не приняла. И в 1920-м вместе с единственной дочерью Тамарой уехала в уже независимую Эстонию. Муж к этому моменту был арестован и погиб в тюрьме. В Таллине она устроилась на лесопилку. По вечерам, чтобы заработать, ходила по домам и гадала на картах. Нервные потрясения, тяжелый физический труд, голод и нищета окончательно подорвали здоровье этой уже немолодой женщины. В канун 1925-го года она умерла в своей промёрзшей крошечной комнате на узкой железной кровати. После смерти матери Тамара перебралась в Берлин, где через несколько лет сгорела от чахотки...

...Путешествие по Александро-Невскому кладбищу стоит завершить у, наверное, самой знаменитой могилы, где упокоился Игорь Васильевич Лотарев, больше известный как «король поэтов» Серебряного века Игорь Северянин. Надо сказать, что обстоятельства его эмиграции куда более запутано-витиеваты, но в то же время они счастливее, чем у той же Веры Крыжановской. Три жены, рождение сына, несколько новых сборников, множество переводов, бесконечные гастроли по Европе, десятки концертов – с переездом за границу поэтическая жизнь Северянина, столь блистательно начавшаяся на

Родине, не закончилась, но вышла на новый виток, изменив саму тональность его слова.

В поселок Тойла на востоке Эстонии он перебрался с семьей – матерью, дочерью, нянькой и двумя женами – нынешней и бывшей – в 1918-м году, когда места эти еще входили в состав России. Снял полдома у здешнего плотника и начал искать возможность заработать. Давал концерты – первое публичное выступление состоялось на сцене русского театра в Ревеле, гонорары за свои выступления отдавала в общий котел и гражданская жена Северянина, исполнительница романсов Мария Волнянская. Когда Эстония провозгласила независимость, поэт, не раздумывая, принял новое гражданство и нашёл новую жену – Фелиссу Круут, которая ради брака с Северяниным крестилась в православие. Вскоре у новобрачных родился сын Вахс. Дореволюционная слава поэта была такова, что до середины 1930-х годов он не знал отбоя от гастрольных ангажементов. Его ждали и восторженно принимали в Латвии и Литве, Польше и Германии, Чехословакии и Финляндии. Державная комиссия для русских беженцев организовала поэту турне по кадетским корпусам и женским институтам Югославии. Потом были Болгария, Румыния, Кишинёв и Париж, где, благодаря князю Феликсу Юсупову, «король поэтов» читал в залах «Дебюсси» и «Шопен». Параллельно в Европе выходили многочисленные сборники: «Менестрель» (1921), «Миррэлия» (Берлин, 1922), «Соловей» (Берлин, 1923), «Классические розы» (Белград, 1931). В эти же годы он пишет автобиографические романы в стихах: «Роса оранжевого часа» (детство), «Падучая стремнина» (юность), «Колокола собора чувств» (рассказ о турне 1914 года с Маяковским и Баяном), «Рояль Леандра. (Lugne)» (панорама художественной жизни Петербурга), утопию «Солнечный дикарь» (1924). А ещё переводит эстонских авторов и составляет первую антологию эстонской поэзии на русском языке. По словам очарованной им Марины Цветаевой, только теперь, после всех случившихся с ним перемен, он и стал настоящим поэтом.

В 1940-м году над Эстонией вновь задул восточный ветер: сюда вошли советские войска. К этому моменту у Северянина новая жена – школьная учительница Вера Коренди, а теперь ещё и новый советский паспорт. Круг замкнулся. Вчерашний эмигрант формально вернулся на Родину. Он пишет несколько стихотворений, приветствующих «шестнадцатиреспубличный Союз», но сил начинать новую, «советскую» жизнь уже нет. Последний удар – война, Северянин и

хотел бы бежать от неё, но слаб настолько, что может доехать лишь до Таллина, где и умрёт в стылом декабре 1941 года.

Похоронить поэта оказалось еще сложнее, чем жить с ним: родственники Веры Борисовны категорически отказались пустить Северянина в фамильную ограду, пришлось положить его у центральной аллеи, рядом с двумя неизвестными женщинами, умершими ещё в 1910-х годах. Долгое время на могиле Северянина стоял простой деревянный крест, но в начале 1950-х появилась белая мраморная табличка с лаконичной цитатой: «Как хороши, как свежи будут розы, Моей страной мне брошенные в гроб!». А на заре 1990-х её сменил гранитный памятник – странный, громоздкий и совершенно не северянинский, ставший, однако, за эти годы главным символом Александро-Невского кладбища. На могиле Северянина всегда лежат цветы. Окажетесь в Таллине – принесите ему розу, но чтобы она непременно была «хороша и свежа».

Могилы Игоря Северянина. Фото А. Хрусталёвой